

В. Н. Карпухина*Алтайский государственный университет, Барнаул***Дискурс детской художественной литературы
в процессах институализации общества**

Рассматривается дискурс детской художественной литературы, являющийся одним из факторов формирования системы ценностей общества. Материал исследования – тексты переведенной на русский язык детской художественной литературы, а также оригинальные тексты детской литературы на английском языке. В статье ставится дискуссионный вопрос о том, принадлежит ли детская литература к массовой литературе, обсуждается функционирование переводной детской литературы в семиосфере русской культуры. В качестве одной из целей рассматриваемого дискурса детской литературы представлена социализация участников дискурса в семиосфере одной или нескольких культур. Современное пространство коммуникации требует от ребенка включения в мультикультурный контекст, и этот процесс помогают осуществить переводчики текстов детской литературы. В статье рассматриваются некоторые компоненты дискурса детской художественной литературы (участники дискурса, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты). Делается вывод, что эволюция этических и языковых норм общества не просто отражается в текстах детской художественной литературы, но зачастую именно данные тексты формируют многие тенденции в развитии и закреплении будущих культурных норм и установлений.

Ключевые слова: детская художественная литература, дискурс, ценности, стратегии.

Под дискурсом детской художественной литературы мы понимаем совокупность текстов детской литературы (как русскоязычных, так и переводных) в их функционировании в семиосфере русской культуры. Материал исследования – тексты переведенной на русский язык детской художественной литературы, а также оригинальные тексты детской литературы на английском языке. В качестве объекта исследования в статье выступает дискурс детской художественной литературы, являющийся одним из факторов формирования системы ценностей общества. Предмет рассмотрения может быть обозначен как влияние дискурса переводной детской художественной литературы на стилистические и – шире – культурологические предпочтения той или иной эпохи развития современного общества. При этом стоит согласиться, что «культура, несомненно, оказывает су-

Карпухина Виктория Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049 Россия; vkarpuhina@yandex.ru)

шествное влияние на образ мышления людей, но было бы неверно считать, что язык непосредственно связан с культурой. ...Изменения в сфере культуры не параллельны языковым изменениям: первые происходят достаточно быстро, большей частью осознанно и в широком диапазоне явлений, вторые протекают значительно медленнее, большей частью подсознательно и охватывают меньший состав единиц» [Карасик, Ярмахова, 2006, с. 10–11].

Отметим следующий парадокс функционирования дискурса детской художественной литературы, переведенной на русский язык в середине XX в. В область переводческой деятельности начиная с 1930-х гг. ушли многие талантливые и оригинальные русские прозаики и поэты (ср. размышления о судьбе русских переводчиков в 1950–70-е гг. [Веселые человечки, 2008; Гордин, 2011; Чижова, 2011]). В области перевода детской художественной литературы работали едва ли не лучшие из лучших писателей советского периода (К. Чуковский, С. Маршак, Н. Дарузес, Б. Заходер, Н. Демурова и др.). Однако детская художественная литература всегда была рассчитана на так называемого массового читателя, и в современных исследованиях достаточно часто произведения детской литературы рассматриваются в одном ряду с текстами «низких» жанров массовой литературы – такими как детектив, «дамский роман», научная фантастика, фэнтези и пр. Оценка текстов, принадлежащих к подобным жанрам, может быть достаточно негативной [Культурология, 1998; Черняк, 2007; Clark, 2006], однако в настоящее время тексты детской литературы стали вызывать большой научный интерес [International Companion Encyclopedia..., 1996; Johnston, 2006; Веселые человечки, 2008; Ковтун, 2008]. Парадоксальность высокого качества переводных текстов детской художественной литературы и одновременного восприятия их как недостаточно значимых для влияния на общий литературный процесс и общественное сознание представляется нам проблемой, требующей внимательного рассмотрения (см. также: [Карпухина, 2012]).

В западной языковедческой и литературоведческой традиции детская литература стала объектом пристального внимания уже достаточно давно. В русскоязычной складывающейся традиции можно отметить лишь ряд работ, выводящих детскую художественную литературу из контекста массовой [Детская литература, 2008; Ковтун, 2008; Карпухина, 2012]. С нашей точки зрения, дискурс детской художественной литературы (в том числе и переводной) в максимальной степени влияет на формирование системы ценностей/оценок, возникающих в общественном сознании. Розмари Роуз Джонстон, например, рассуждает о смене целей дискурса детской литературы на протяжении нескольких веков: «Книги для детей создавались в рамках общественных установок, связанных с процессами обучения, социализации и “аккультурации”, изначально в них ставились проблемы религиозных и моральных норм общества, далее – уже более общие образовательные цели, а в последние годы – все чаще определенные социальные цели. В особенности в последние годы прошлого тысячелетия в проблемы, затрагиваемые детской литературой, стали входить экология, культуры малых народов, мультикультурные сообщества, меняющиеся семейные ценности, гендерные проблемы и роли» [Johnston, 2006, p. 52–53]. В качестве одной из целей рассматриваемого дискурса детской литературы, действительно, необходимо учитывать и социализацию (аккультурацию) участников дискурса в семиосфере одной или нескольких культур. Современное поликультурное пространство коммуникации требует от ребенка включения в мультикультурный контекст, и этот процесс помогают осуществить переводчики текстов детской литературы. Появление статьи о принципах и задачах перевода детской литературы в «Энциклопедии детской литературы» под редакцией П. Ханта [International Companion Encyclopedia..., 1996, p. 519–529] свидетельствует о попытке осмысления роли текстов подобного рода в институализации ценностей западного социума. В коммуникативной си-

туации российского социума осмысление роли переводных текстов детской литературы только начинается, хотя, безусловно, в некоторых работах переводчиков-практиков [Чуковский, 2011; Демурова, 2009; Заходер, 2002] оно уже присутствовало.

Эволюция этических и языковых норм общества не просто отражается в текстах детской художественной литературы (они в качестве прецедентных текстов выступают как знаки, «тексты культуры» (см., например: [Киклевич, 2014, с. 279])). Зачастую именно данные тексты формируют многие тенденции в развитии и закреплении будущих культурных норм и установлений. Рассмотрим некоторые компоненты дискурса детской художественной литературы (по аналогии с компонентами религиозного дискурса, подробно рассмотренными в работе [Карасик, 1999, с. 6]): к ним будут отнесены участники дискурса, цели, ценности, стратегии, прецедентные тексты.

В качестве участников дискурса детской художественной литературы выступают авторы текстов, их переводчики, дети как целевая аудитория (*target audience*) и – достаточно часто – их родители, читающие данные тексты ребенку. Нормы и правила субъект-субъектных отношений в ситуации общения «ребенок – взрослый» в современном русском языке не слишком существенно отличаются от англоязычных. Однако наблюдается и ряд различий в дейктических способах передачи социальных иерархических отношений субъектов в текстах детской литературы при переводе с английского языка на русский. Для русского языка является обязательным выбор так называемого множественного вежливости в когнитивной ситуации общения с незнакомым человеком, в современном английском языке оппозиция *ты – Вы* снимается (существует единая во всех числах форма *you*). Заглавное *You* используется крайне редко, в основном в притяжательных местоимениях, относящихся к лицам, обладающим не просто высоким, а высшим социально-коммуникативным статусом (*Your Majesty*). Переводчики текстов детской литературы с английского на русский язык в большинстве случаев тоже снимают эту «оппозицию вежливости». Она удачно обыгрывается в переводе «Приключений Алисы в Стране Чудес», сделанном Б. Заходером: Алиса как воспитанная английская девочка обращается ко всем существам на *Вы* (хотя в тексте это местоимение дается со строчной буквы), а все они, кроме нескольких исключительных ситуаций торжественно-иронического обращения, зовут ее, как взрослый ребенка, на *ты*, сохраняя социальную и возрастную дистанцию. Однако этот текст перевода английской детской художественной литературы, скорее, исключение из правил, где переводчик сохраняет верность дореволюционной традиции повсеместного употребления «множественного вежливости».

Изменение норм вежливости, уравнивание собеседников в социальном и коммуникативном статусе приводит и к глобальному изменению нормы переводческой речи в отношении «множественного вежливости»: в большинстве текстов детской литературы, переведенных на русский язык, персонажи не обращаются друг к другу на *Вы*, даже если тексты оригинала созданы в начале XX столетия и в идеале должны сохранять коммуникативные нормы времени своего создания. Сложно представить с точки зрения современных норм речевого этикета Кристофера Робина, обращающегося на *Вы* к отцу-рассказчику, или Питера Пэна, обращающегося на *Вы* к Венди или к капитану Крюку. В ситуации следования нормам речевого этикета начала XX в. даже друзья Винни-Пуха должны были обращаться друг к другу на *Вы*. Сегодня эксперимент переводчика В. Вебера [Milne, 2003] по внесению иерархических отношений в коммуникативную среду Винни-Пуха и его друзей выглядит по меньшей мере странно: Пух обращается к Сове на *вы*, – видимо, как к старшей по возрасту и более умной, и в данном случае срабатывает инерция мультфильма Федора Хитрука, сделавшего из недоучившегося школьника по имени *Owl* «учительницу на пенсии». Например:

- *Доброе утро, Сова, – поздоровался он.*
- *Доброе утро, Пух, – ответила Сова.*
- *Поздравляю вас с днем рождения Иа, – продолжил Пух.*
- *А, так вот с чем ты пожаловал!*
- *Что вы собираетесь подарить ему, Сова?*
- *А что даришь ему ты, Пух?*
- *Я несу ему полезный горшок для хранения вещей и хотел бы попросить вас...*
- *Вот этот? – Сова взяла горшочек из лап Пуха.*
- *Да, и я хотел попросить вас...* [Milne, 2003, p. 251–252].

Данное разграничение социального и возрастного статуса персонажей не может быть оценено как прагматически успешное, хотя именно оно привело к нашей переоценке новых норм речевого этикета, заложенных переводчиками детской художественной литературы на русский язык.

Эволюция языковых норм, тесно связанная с изменениями общественного сознания, может быть с большой долей вероятности предсказана именно переводчиками. Появившийся в 1990-е гг. модернистский по своим установкам, но постмодернистский по своему языковому воплощению текст перевода на русский язык повестей А. А. Милна о Винни-Пухе [Руднев, 2000] предвосхитил глобальные изменения стилистических норм русского языка, которые на сегодняшний день можно увидеть не только в переводных текстах детской художественной литературы, но и в текстах любого другого рода и жанра (в том числе в текстах СМИ и научных публикаций). В данном случае необходимо разграничить разные лингвоаксиологические макростратегии, используемые переводчиками как участниками дискурса детской художественной литературы.

К ним относятся макростратегии адаптации / острашения, архаизации / модернизации и стилизации интерпретируемых текстов, которые убедительно показывают механизмы изменений в семантическом содержании категорий пространства, времени и персональности, составляющих интерпретативную базу текстовых фреймов как когнитивных моделей текстов.

Прагматическая ориентированность текстов на изменение временного или пространственного параметров в области межъязыковой коммуникации влияет на выбор приоритетных макростратегий адаптации или архаизации / модернизации текста и дискурса. В рамках внутриязыковой коммуникации применение макростратегии модернизации текста представляется ориентированным на формирование нового типа читателя-интерпретатора текста и дискурса, так же как работающая на «удаление» текста от аудитории в культурном и языковом пространстве макростратегия острашения текста в ситуациях межъязыковой коммуникации.

Макростратегия модернизации текста перевода может быть связана, в частности, с применением переводчиком и макростратегии адаптации текста. Так, в переводе повестей Л. Кэрролла на русский язык Б. Заходер заменяет спародированные автором в тексте оригинала стихи Э. Лира на пародийным образом измененные известные стихи русских поэтов (в том числе детских) [Заходер, 2001, с. 577, 604–605, 626, 661–663]. Фрагмент фрейма знаний о британской детской поэзии начала XX в. (так называемых *nursery rhymes*) в данном случае заменяется у русскоязычного читателя фрагментом фрейма знаний о русской детской поэзии, в том числе современной переводчику. Не меняя структурного принципа организации текста оригинала, Заходер, однако, применяет макростратегию модернизации текста перевода как адаптационную. Похожее стратегическое решение применяется в переводе повестей А. А. Милна о Винни-Пухе В. П. Рудневым, однако в данном случае макростратегия модернизации текста перевода направлена на достижение абсолютно других прагматических целей. Переориентация тек-

ста детской художественной литературы на взрослую постмодернистскую аудиторию предполагает изменение контекстуального фрейма знаний, в котором существует текст Милна [Карпухина, 2013]. Стихотворные фрагменты текста оригинала не являются пародийными, но ориентированы на вызывание из памяти читателя определенных образцов детской британской поэзии в духе Э. Лира. Однако Руднев, используя макростратегию модернизации текста перевода, включает тексты повестей о Винни-Пухе в постмодернистский дискурс: стихотворные фрагменты текста перевода пародийно отсылают к прецедентным текстам Пушкина, Ахматовой, Высоцкого и т. п., придавая «сочиняющему» их персонажу, Винни-Пуху, некоторую космополитичность (см.: [Руднев, 2000, с. 56]).

Подмена культурно-обусловленных фреймов в процессе остранения и модернизации текста перевода происходит и в том случае, когда Руднев принципиально меняет маркеры текстовой макроструктуры (названия глав). В тексте оригинала данные маркеры включают в себя макропропозиции, отражающие происходящие в конкретной части условного мира текста события. В тексте перевода Руднева в качестве названий глав выступают имена текстовых фреймов, не отражающие подробно макропропозиционную структуру последовательных фрагментов текста, как это было принято в повествовательных текстах XIX – начала XX в. Примером подобного максимального свертывания макропропозиционной структуры глав до имени текстовых фреймов могут служить следующие версии переводчика: *Chapter II, in which Pooh goes visiting and gets into a tight place* [Milne, 2003, p. 22] – *Глава II. Нора* [Руднев, 2000, с. 72]; *Chapter VIII, in which Christopher Robin leads an expotition to the North Pole* [Milne, 2003, p. 69] – *Глава VIII. Северный Полюс* [Руднев, 2000, с. 130]. Объясняя применение данной макростратегии, Руднев утверждает: «...следовало вывести ВП из того «дошкольного» контекста, куда он был помещен. ...Для этого нужно было найти стилистический ключ, во-первых, не чуждый духу оригинала, во-вторых, хорошо известный русскому читателю, и, в-третьих, достаточно неожиданный и парадоксальный. Таким ключом, отвечающим всем трем требованиям, показалась нам проза зрелого Фолкнера. ...С идеей фолкнеровской стилистики связано и единственное крупное отступление от оригинала: вместо длинных милновских названий глав мы дали короткие “фолкнеровские”» [Там же, 2000, с. 51–53]. Подобное прагматически мотивированное использование макростратегии модернизации текста оказывается следствием применения макростратегии остранения текста перевода, и, таким образом, макростратегии изменения текстового пространства и времени оказываются тесно взаимосвязанными, изменяя хронотопические характеристики дискурса, в котором функционирует рассматриваемый текст.

О применении макростратегии стилизации текста можно говорить в тех случаях, когда переводчики пародируют прецедентные тексты русской литературы в рамках своих переводов (Б. Заходер в переводе повестей Л. Кэрролла, В. Руднев в переводе повестей А. А. Милна). Сохраняемая переводчиками формальная, поверхностная структура поэтических текстов при изменении их семантики дает доступ русскоязычному читателю к поэтическому источнику пародии (ср. рассуждения о десемантизации знаковой формы текста в пародиях [Смирнов, 1995, с. 12]). Примером подобной десемантизации знаковой формы прецедентного текста, перемещенного в перевод в пародийной версии, могут служить следующие тексты:

*Крокодильчики мои,
Цветики речные!
Что глядите на меня
Прямо как родные?* [Заходер, 2001, с. 626]

или:

Меда нет, и нет огня.

Помню: он стоял в буфете

с надписью на этикетке:

«Здесь пчелиный собран МЁТ»... [Руднев, 2000, с. 98]

Стилизация текстов Кэрролла и Милна под тексты А. К. Толстого и А. С. Пушкина в рассматриваемых случаях происходит за счет работы механизма наложения фреймовых структур текстов-источников пародии и самих пародийных текстов, поскольку замены лексических наполнителей фреймовых слотов призваны произвести комический эффект при интерпретации текстов. Если в ситуации с пародийными поэтическими включениями в основной текст Б. Захoder меняет дискурс пародируемой английской детской «школьной» литературы на дискурс русской детской «школьной» литературы, то В. Руднев производит гораздо более кардинальную смену дискурса. Дискурс «серьезной», официальной детской английской литературы, в контексте которой существуют тексты Милна на английском языке, заменяется на дискурс пародии, к тому же отсылающей к прецедентным текстам русской литературы, ориентированным на взрослую аудиторию. Разные типы фреймовых структур, актуализирующихся в случае подобной смены дискурса, очевидны.

Провозглашенная В. П. Рудневым концепция «аналитического перевода», воплощенная на практике в текстах перевода милновских повестей (Руднев насыщает текст перевода «Винни-Пуха» коммуникативными фрагментами английского языка, данными латиницей или транскрибированными, сохраняет синтаксические конструкции английских предложений и порядок слов в них, не изменяя английскую пунктуацию, и т. п.), приводит к коммуникативной неудаче его текста перевода в целевой аудитории, аналогичной аудитории текста оригинала. Однако она расширяет круг новых реципиентов текста перевода – ими становятся лингвисты, философы, семиотики (ср. обсуждение подобного рода трансформаций в: [Martens, 2013]). Принципиально созданная множественность интерпретаций текста традиционной детской литературы, сознательно достигнутая Рудневым, с одной стороны, открыла возможность последующих переводов известного текста Милна на русский язык [Milne, 2003]. С другой стороны, появляющиеся сегодня в «сетературе» (Интернет-версиях) новые тексты переводов Дж. Роулинг, Д. Р. Р. Толкиена, К. Льюиса и т. д. отражают те стилистические изменения в русском языке, которые в 1990-е гг. пародийно намечал В. П. Руднев (хрестоматийное начало милновской повести он переводит следующим образом: «Here is Edward Bear, coming downstairs now, bump, bump, bump, on the back of his head, behind Christopher Robin». – «Это – Эдуард Бэр, в данный момент спускающийся по лестнице, – *bump, bump, bump*, – затылочной частью своей головы, позади Кристофера Робина» [Руднев, 2000, с. 61]). Эти изменения в полной мере соотносятся с изменением отношения к русскому языку в настоящее время (ср.: «...лишь родной язык раскрывает перед человеком и народом в целом все свои возможности. Отношение конкретного человека к его родному языку, отношение народа к его языку раскрывает нам истинную оценку языковых явлений» [Вайсгербер, 2009, с. 46]).

Креолизация языка, гибридизация грамматических форм разных языков, глобальная англизация (английский язык становится практически «постмодернистской латынью»), изменение норм речевого этикета находят сегодня свое воплощение в первую очередь в языке СМИ и детской художественной литературы, что, безусловно, в дальнейшем будет оказывать свое влияние на изменения в системе ценностей современного общества. Тенденция к глобализации и некоторый

космополитизм, всегда присущие переводчикам и ранее воспринимавшиеся негативно, постепенно становятся теми тенденциями, которые определяют развитие современного общества. Если разделять ценности и нормы на четыре группы: суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные [Карасик, 1999, с. 10], то дискурс детской литературы изначально был ориентирован на суперморальные ценности (педагогический дискурс практически не отделялся от религиозного), в XX столетии он ориентирован уже скорее на моральные и утилитарные ценности (нормы поведения человека по отношению к другим людям и самому себе), при этом всегда часть текстов детской литературы была ориентирована и на субутилитарные ценности, открывая для ребенка «необходимые и достаточные» условия выживания человека в сложных биологических условиях (ср. тексты Д. Дефо, Дж. Лондона, М. Твена и др.). Однако в настоящее время ценности, выступающие в качестве ключевых в семиосфере русской культуры, оказываются выраженными в дискурсе детской литературы в большей степени опосредованно, поскольку авторы детских текстов стараются избегать дидактизма (ср. дилогию «Детская книга» и «Детская книга для девочек» Бориса Акунина и Глории Му [Десятов, Карпухина, 2014]). Таким образом, языковые изменения и разнообразные трансформации общественного сознания, безусловно, отражаются в дискурсе детской художественной литературы, но и сам этот дискурс активно влияет на цели и ценности, формирующиеся в современном обществе.

Список литературы

- Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. М., 2009.
- Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. ст. / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М., 2008.
- Гордин Я.* Гражданин культуры // Россия и Запад: Сб. ст. в честь 70-летия К. М. Азадовского. М., 2011. С. 5–9.
- Демурова Н.* «В России интерес к Кэрроллу такой же, как в Англии, а возможно, и больше...» // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 353–380.
- Десятов В. В., Карпухина В. Н.* Что такое хорошо и что такое плохо? О философских романах Бориса Акунина и Глории Му «Детская книга», «Детская книга для девочек» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 178–185.
- Детская литература: Учебник / Под ред. Е. О. Путиловой. М., 2008.
- Заходер Б. В.* Винни-Пух и все-все-все // Заходер Б. В. Избранное: Стихи, сказки, переводы и пересказы. М.: Астрель, 2001. С. 341–554.
- Заходер Б. В.* Приключения Винни-Пуха (из истории моих публикаций) // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 197–225.
- Карасик В. И.* Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 1999. С. 5–19.
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». М., 2006.
- Карпухина В. Н.* Роль детской художественной литературы в институализации общества // Роль иностранных языков в институализации российского общества: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 31 мая 2012 г. / Отв. ред. и сост. В. А. Скубневская. Барнаул, 2012. С. 17–21.
- Карпухина В. Н.* Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры. Барнаул, 2013.
- Киклевич А. К.* Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков, 2014.
- Ковтун Е. Н.* Художественный вымысел в литературе XX века: Учеб. пособие. М., 2008.

- Культурология. XX век: Энцикл.: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2.
- Руднев В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. М., 2000.
- Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1995.
- Черняк М. А. Массовая литература XX века: Учеб. пособие. М., 2007.
- Чижова Е. Перевод как судьба // Россия и Запад: Сб. ст. в честь 70-летия К. М. Азадовского. М., 2011. С. 10–22.
- Чуковский К. И. Высокое искусство. СПб., 2011.
- Clark B. L. Fairy godmothers or wicked stepmothers? // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. L.; N. Y., 2006. P. 236–247.
- International Companion Encyclopedia of Children's Literature / Ed. by P. Hunt. L.; N. Y., 1996.
- Johnston R. R. Childhood: a narrative chronotope // *Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies* / Ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. L.; N. Y., 2006. P. 46–68.
- Martens G. Literature, digital humanities, and the age of the encyclopedia // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. N 15 (3). URL: <http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.2241> (accessed 26.06.2014).
- Milne A. A. Winnie-the-Pooh. The House at Pooh Corner = Милн А. А. Винни-Пух / Пер. с англ. В. А. Вебера, стихи в пер. Н. В. Рейн. М., 2003. [На англ. и русск. яз.].

V. N. Karpukhina

Children's literature discourse in society institutionalization

The paper deals with the children's literature discourse, which is considered to be one of the factors of forming the system of social values. The research material represents the texts of children's literature translated into Russian as well as original texts of children's literature in English. The paper discusses the debatable question if the children's literature should be regarded as a genre of mass literature, and explores the functioning of the translated children's literature in the semiosphere of Russian culture. One of the aims of the discourse in question is the socialization of the discourse participants in one or more than one semiospheres. The contemporary communicative space demands a young reader to be included into the multicultural context, and this can be done helped by the translators of the children's literature. The paper considers some components of children's literature discourse (participants, aims, values, strategies, precedent texts). The paper summarizes that the evolution of social ethic and language standards is not only reflected in the children's literary texts. Moreover, these texts develop many trends in the development and consolidation of the future cultural standards.

Keywords: children's literature, discourse, values, strategies.